

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В ДИСЦИПЛИНАРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИОЛОГИИ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Шаукенова Зарема Каукеновна

Ассоциация социологов Казахстана (Алматы, Казахстан)
zarema_13@bk.ru

Shaukenova Zarema

Association of Sociologists of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)
zarema_13@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена концептуальному моделированию социальной стратификации в рамках социологии идентичности. Рассматриваются современные теоретические подходы к социальной стратификации и роль идентичности в формировании социальной структуры. Особое внимание уделяется влиянию референтных групп на социальный статус и процессы самоидентификации. Анализируются ключевые концепции ведущих социологов и их значение для современной социальной теории.

Ключевые слова: социальная стратификация, идентичность, социология, референтные группы, социальный статус.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

Одним из наиболее приметных трендов в развитии социогуманитарных дисциплин является выход на авансцену социально-теоретической рефлексии проблематики идентичности. Приоритетность обсуждения проблем идентичности к концу прошлого столетия превратилась, по словам Зигмунта Баумана, «в социально необходимую конвенцию, норму» [1, р. 6]. При этом идентичность выступает не только предметом мультидисциплинарных исследований, но и их моделирующей схемой, «призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются большинство важных черт современной жизни» [2, с. 182].

Ряд учёных занимает критическую позицию по отношению к чрезмерной, по их мнению, универсализации понятия идентичности, низко оценивая его эвристичность, указывая на ограниченность спектра его применимости (см. напр.: [3], [4]), и даже на необходимость устранения концепции идентичности из социологического и социально-политического дискурса [5]. Однако в целом, как отмечает О.А. Симонова, социоло-

---

* Исследование проведено в рамках финансирования КН МНВО РК по научной программе Мега-проект №BR21882302 «Казахстанский социум в условиях цифровой трансформации: перспективы и риски».

гическое сообщество охотно приняло понятие социальной идентичности [6]. В социологии идентичность исследуется в рамках различных подходов или парадигм: структурно-функционального анализа (Т. Парсонс, Р. Мертон), символического интеракционизма (Дж. Г. Мид, Ч.Х. Кули), феноменологической социологии (концепция интересубъективности А. Щюца), социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман), драматургической концепции (И. Гофман), системной теории общества (Н. Луман). Кроме того, к настоящему времени достаточно чётко определились тенденции к институционализации социологии идентичности как самостоятельного направления в структуре социально-гуманитарных наук.

Однако легитимность претензий социологии идентичности на этот статус всё ещё остаётся под вопросом. Его положительное либо отрицательное решение зависит от того, сведётся ли социология идентичности к изменению терминологического дизайна социологического дискурса, не затрагивающего существа обсуждаемых проблем. Либо же социология идентичности позволяет рассмотреть эти проблемы в новом ракурсе, дающем возможность раскрыть их новые аспекты и грани, получить приращение знания. На наш взгляд, претензии социологии идентичности на статус относительно самостоятельного научного направления небезосновательны, что можно продемонстрировать на ряде примеров применения конструктивного потенциала концепции идентичности к переосмыслению традиционных для социологии предметных областей анализа. Одним из такого рода примеров может служить концептуальное моделирование процессов и результатов социальной стратификации в дисциплинарном пространстве социологии идентичности.

Общепринятое в современной социальной теории определение социальной стратификации можно сформулировать следующим образом: Под социальной стратификацией в современной социологии понимается процесс формирования социальной структуры, в результате которого индивиды и группы оказываются иерархически распределёнными в соответствии с определёнными социально значимыми признаками.

К. Маркс основой социальной структуры считал деление общества на классы. Согласно Максу Веберу, которого принято считать основоположником теории стратификации, основными критериями, в соответствии с которыми формируются социальные страты, являются собственность, власть и престиж. Часто для характеристики стратификационных процессов прибегают к понятию «социальное пространство». Это понятие восходит к Питириму Сорокину, который ввёл его для обозначения места всякого индивида, группы людей или общественного события: определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его отношение к другим социальным явлениям, взя-

тым за «точки отсчёта». Тем самым, социальное пространство задаёт поле социальных статусов и социальных действий, структурирующих общество.

Социальный статус личности и социальных групп определяется их положением в социальном пространстве. Социальный портрет человека может быть выполнен с помощью указания основных позиций, занимаемых им в социальном пространстве, т.е. статусов. Содержание социальных статусов раскрывается через совокупность прав и обязанностей. Социальные статусы, кроме того, образуют иерархическую систему, место в которой называется рангом. Социальный статус или ранг создаются общественным мнением, но могут приобрести и формальное закрепление.

Согласно концепциям современной социологии, картина социальных статусов представляет собой своеобразную социальную топографию, где позиция любого человека или социальной группы может быть определена относительно выделенных осей координат, или проекций социального пространства. Например, в концепции Макса Вебера положение в социальном пространстве определяется в координатах собственности, власти и престижа. Причём эти координаты могут быть иерархически соподчинены друг другу: есть общества, где главную роль играет обладание ресурсами власти, в других типах общества главенствующая роль отдаётся материальному благосостоянию, в третьих – престижу. В модели Пьера Бурдьё координатами социального пространства являются: а) экономический капитал, б) культурный и социальный капитал в) символический капитал – престиж, репутация, имя и т.д. В модели Питирима Сорокина осями координат социального пространства являются экономическая, политическая и профессиональная стратификация.

Понимание социальной страты в духе объективистской социологии как набора объективных факторов, определяющих расслоение общества, задаёт искажающую оптику социального анализа. Термин «страта» (от лат. *stratum* – покрывало, одеяло) как социально-политическую категорию впервые применяет Цицерон для обозначения той области социального пространства, где человек чувствует себя «дома», где ему уютно. Соответственно первоначальному и глубоко содержательному смыслу термина под стратами в современном социальном дискурсе следует понимать формы *самоорганизации* людей в референтные группы или в общности, возникающие посредством самоидентификации на основе специфического отличия (в рамках общего для нации-государства единства) миропонимания и поведенческих установок. В такой интерпретации очевидным становится отличие страты (профессиональной, образовательной, возрастной и т.д.) от класса, сословия, касты и прочих объективно дифференцирующихся, институционализованных социальных общностей. Это отличие может быть эксплицировано на основе понятия идентичности, сформировавшегося на стыке и во взаимовлиянии психологии и социологии как научный

термин, фиксирующий сложную структуру рефлексивного самоопределения в процессах интересубъективных взаимодействий.

Эрик Эриксон, работы которого сыграли во многом решающую роль в концептуализации и операционализации феномена идентичности, даёт ей следующее определение: идентичность – это процесс, «посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждения о нём с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него» [7, с. 32]. Аналогичная интерпретация понятия идентичности содержится в работах представителей символического интеракционизма и основоположников социологии идентичности Джорджа Герберта Мида и Чарльза Хортон Кули. В концепции Ч.Х. Кули суждения человека о своём «Я» первоначально формируются через восприятия реакций других людей, а затем оформляются в Я-концепцию, или в комплекс представлений о собственной индивидуальной идентичности [8]. Согласно Дж. Миду, в интерактивных взаимодействиях, протекающих в рамках группы, формируются два модуля личностного Я: 1) «I» как внутренний стержень личности, инстанция импульсивных индивидуальных реакций на социальные установки других, и 2) внешнее, рефлексивное «Me» как инстанция социальной адаптации, аналог «Сверх-Я» З. Фрейда: «То, что явлено индивиду в непосредственном переживании своего Я при принятии установки другого, мы называем «Me». Это то Я, которое способно сохранять себя в сообществе и признаётся в сообществе, поскольку признаёт других» [9, с. 173].

Из определения идентичности, сформулированного Э. Эриксоном, следует ряд важных выводов.

Во-первых, понятие идентичности относится к классу непредикативных определений, т.е. не имеет логического значения предиката какого-либо субъекта. Непредикативные определения, являющиеся одной из центральных проблем современной логики и математики, формулируются указанием на совокупность, к которой принадлежит предмет, или на процесс, в котором он определяется. Способность к пониманию и коммуникации, а также начала разногласия и непонимания основаны на такого рода понятиях, как, в свою очередь, и формирование таких понятий основано на аффектах коммуникации.

Во-вторых, в интерактивном коммуникативном процессе формируются не только индивидуально-личностная и социальная идентичности, но и их единство. Этот процесс, как указывает Э. Эриксон, «устанавливает идентичность этих двух идентичностей» [7, с. 31]. Конвергенция психологического и социологического модусов идентичности означает, что «нам нужны понятия, которые пролили бы свет на взаимодополнительность синтеза «эго» и социальной организации» [7, с. 62]. Хотя, следует

заметить, попытки разработки такого рода понятий предпринимались. В этом плане достаточно упомянуть, хотя бы исследование З. Фрейдом психопатологии обыденной жизни и исследование Ж. Делёзом и Ф. Гваттари «взаимодополнительности» капитализма и шизофрении.

В-третьих, чтобы в процессе самоидентификации человек, не рождающийся с зеркалом в руках и фихтеанским философом: «Я есмь я», мог, как в зеркало, смотреться в другого человека, этот другой не может быть «всяким другим», хайдеггеровским *das Man* – одной из множества безликих, взаимозаменяемых, растворяющихся фигур. Это должен быть «значимый другой», чтобы его оценки и реакции интегрировались в интерактивный механизм самоидентификации. Сам этот процесс находится в постоянном изменении и развитии. Он «становится всё более содержательным по мере того, как расширяется круг значимых для индивида лиц: от матери до всего человечества» [7, с. 32].

Таким образом, психология и социология рассматривают идентичность как определение индивидом себя через членство в группе. «Социальная идентичность складывается из тех аспектов образа «Я», которые следуют из восприятия индивидом себя как члена определённых социальных групп» [11, с. 12]. Иными словами, социальная идентичность выражается в известном отождествлении индивидом себя с такой общностью, про которую он может сказать: «Мы» и противопоставить ей общности, маркируемые как «Они». На этом значении социальной идентичности формируются механизмы интересубъективных взаимодействий и «вплетения» индивидов в сети социальных связей, отношений, институтов общества как целостной системы. Большинство полевых социологических исследований опираются как на свою теоретическую базу на данную концептуальную модель социальной идентичности, в которой ключевая роль отводится понятию референтной группы.

Референтной называется группа, с которой индивид отождествляет себя, которую он внутренне принимает или к которой стремится принадлежать. По отношению к референтным группам заведомо irrelevantны установки объективистской социологии, рассматривающей институционализацию социально-статусных различий как результат действия сугубо объективных факторов структурно-функциональной дифференциации социума. Референтные группы могут образовываться по самым разным основаниям, в том числе по основаниям формирования аскриптивной идентичности: половозрастным, профессиональным, социально-статусным этнокультурным, конфессиональным, образовательным и т.д. Но при этом референтные группы – это группы людей, которые для индивида выступают значимыми другими.

С требованиями и ожиданиями, запретами и приоритетами, нормами и ценностями референтной группы индивид сопоставляет свои собственные смысловые установки и нормативно-ценностные ориентации, образует из них основополагающие характеристики своей социальной идентичности. В

ориентации на групповой этос индивид определяет, что он должен чувствовать и как должен себя вести в той или иной ситуации. При этом зависимость моей самоидентичности от влияния референтных групп является следствием моего собственного решения, моего выбора. Для осуществления своего нормативного воздействия даже группы моей аскриптивной идентичности нуждаются в моём согласии на то, чтобы я считал их референтными. Скажем, человек может никоим образом не оспаривать свою принадлежность к определённой этнической общности, но при этом не придавать этнокультурным нормам и ценностям значения смысложизненных ориентиров.

Процессы выработки и принятия членами референтных групп общих норм поведения; конвергенция мнений, суждений и оценок; согласование позиций; постепенное сближение идейно-ценностных ориентаций стали предметом наблюдений и экспериментальных исследований психологов. В этих исследованиях неопровержимо доказано и убедительно продемонстрировано могущество социального влияния на формирование ключевых параметров личностной идентичности. При этом, поскольку основной рациональной и эмоциональной мотивацией членства в референтной группе является формирование позитивной социальной идентичности, то усвоение идей и ценностей референтной группы и согласие с ними становится поверхностным, некритичным и непродуманным.

Результаты экспериментальных исследований феномена социального конформизма и группового давления в неформальных группах подвели психологов к следующим выводам и заключениям:

- валидность суждений, мнений, позиций, занятых индивидом, принятых им установок и т.д. определяется их прямой или косвенной связью с групповыми нормами;
- по мере возрастания сложности и многозначности социальных ситуаций растёт и зависимость их индивидуального осмысления и оценки от согласия с другими людьми, прежде всего – с членами референтной группы как со значимыми другими;
- для мониторинга и тестирования норм социального поведения имеет значение только согласие, одобрение и поддержка членов референтной группы. Согласие или неодобрение любого другого человека не имеет особого значения, или вообще не имеет никакого значения;
- групповое единство, согласие, сплочённость воспринимается членами референтной группы как необходимое условие её существования и выполнения своего предназначения;
- чем более консолидирована, сплочена и единогодушна группа, тем больше её власть над субъективными мнениями индивида, и тем настоятельнее внушается девиантам сомнение в их собственной компетенции;
- сближение и усреднение позиций внутри группы протекают по вектору сдвига общего, согласованного мнения в сторону экстремальных взглядов и радикальных идей.

Указанные выводы социальных психологов имеют непосредственное отношение не только к разработке проблем социологии идентичности, но и к формированию политики идентичности. В частности, вывод психологов о наличии тенденции к переходу социальных групп на более радикальные, экстремальные позиции в ходе интеркоммуникативного взаимодействия ставит вопрос о политике социальной консолидации. Следуя логике социально-психологической идентификации как достижения группового консенсуса по отношению к норме в её экстремальном выражении, приходится согласиться с заключением С. Жижека: «Глубочайшая идентификация, «способствующая сплочению сообщества», – это не столько идентификация с Законом, который регулирует «нормальное» течение повседневной жизни этого сообщества, сколько *идентификация с особой формой трансгрессии этого Закона*» [12, с. 111].

В любом случае социальная идентификация на основе добровольного подчинения нормам, идеалам, стандартам, правилам референтной группы означает тенденцию к деиндивидуализации и анонимности, к утрате чувства личной ответственности, что провоцирует рост агрессивности, вызывающее и эпатазирующее поведение и прочие антиобщественные проявления. С особой ясностью эта тенденция проявляется в случае, когда публичный имидж группы ориентирован на демонстрацию независимости, на подчеркнутый индивидуализм, нонконформизм. Стремление подчеркнуть свою идентичность как *непохожесть* на всех прочих в разного рода группах молодёжной субкультуры выражается именно в *унифицированных* отличительных знаках групповой принадлежности и стандартах поведения.

Понятие референтной группы лежит в основании основного принципа социальной стратификации, проводящейся с позиций социальной психологии и социологии идентичности: разделения на «Мы» и «Они». Для самоидентификации, внутригруппового сплочения, референтной группе необходима противостоящая сторона. ««Мы» и «они» имеют смысл только в паре – в противопоставлении (оппозиции) друг другу... Оба понятия получают своё значение от разделяющей их и сформированной ими границы. Без этого различия, не имея возможности противопоставить себя «им», мы не смогли бы придать смысл собственной идентичности» [13, с. 60].

Оппозиция «мы – они» – это принцип и механизм субъективной стратификации социального мира человеком и социальными группами. Чувство общности «мы», духовной близости предшествует всякому размышлению и рациональной аргументации относительно смысла внутригрупповой идентичности. В многообразно дифференцированном социальном пространстве современного мира человек входит во множество мы-групп. Условно их можно разделить на две категории: группы личного контакта (семья, друзья, соседи, сослуживцы) и воображаемые сообщества (класс, раса, нация, церковь, умма). Если в первом типе групп механизм идентификации, пред-

ставленный в определении Э. Эриксона, действует непосредственно, то «Образ класса, пола, нации как сообщества, как единого, слаженного и гармоничного образования единомышленников... должен быть навязан реальности, с которой он идёт вразрез» [Там же, с. 51]. Поэтому в идентификационных практиках и дискурсах идентичности такого рода сообществ в ход идут двойные этические стандарты, софистика, всяческого рода подмены.

В реальности идентификационные различительные линии между «мы-группами» и «они-группами» подвижны, конвенциональны, пористы, что создаёт серые зоны неопределённости в кластеризациях социологии идентичности и мешает с её помощью «блюсти чистоту и ясность границ между различиями, делающими нам мир упорядоченным, а тем самым пригодным и удобным для жизни» [Там же, с. 63].

Обострённое внимание представителей социально-гуманитарных наук к феномену идентичности во многом обусловлено переходом общества на новые принципы и модели социальной стратификации. На предшествующих этапах социально-исторической эволюции касты, сословия, классы были и воспринимались как объективно существующие составные части общественного целого, его базовые элементы. Кроме того, для каждой из социально-статусных групп общества были жёстко прописаны идентификационные нормативно-ценностные параметры.

В современном индивидуализированном обществе (З. Бауман) идентичности формируются в условиях утверждения онтологической призрачности, эфемерности социальных групп: «Идентичность пускает корни на кладбище сообществ» [2, с. 191], – утверждает З. Бауман, а Роджерс Брубейкер приходит к выводу, что «решающая сила этнической и национальной идентификаций... не зависит от существования этнических групп или наций» [14, с. 30] ни как субстанциальных сущностей, ни как воображаемых общностей, ни как виртуальных конструктов.

Как мы попытались показать, основоположники социологии идентичности – Э. Эриксон, Дж.Г. Мид, Ч.Х. Кули – связывали формирование личностной и социальной идентичности с интерактивной коммуникацией в референтных группах. То есть они принадлежали к той когорте социологов, которые, как сокрушался Карл Поппер, всё ещё не избавились «от догматической веры в то, что общество следует анализировать в терминах реальных социальных групп» [15, с. 220]. Но раскрывает ли новые перспективы перед социологией идентичности парадигма социальности без групп? Или же следует согласиться с выводом политической антропологии постмодернизма о том, что в современном мире вопрос об идентичности лишён смысла: «Кто мы? Откуда мы? Куда мы идём? – вот самые бесполезные вопросы» [16, с. 44]. От нахождения и прохождения пути выхода из тупика выбора каждой из обозначенных альтернатив в решающей степени зависит будущее социологии идентичности.

Список литературы

- 1 Bauman Z. Identity. Conversations with Benedetto Vecchi. – Cambridge: Polity Press, 2010. – 104 p.
- 2 Бауман З. Индивидуализированное общество. Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 325 с.
- 3 Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // *Вопросы философии*. – 1998. – № 2. – С. 43–53.
- 4 Хамидов А.А. Категория тождества и понятие идентичности // *Аль-Фараби*. – 2019. – № 1 (65). – С. 3-18.
- 5 Brubaker R., Cooper F. Beyond “Identity”. *Theory and Society*. – 2000. – Vol. 29. – P. 1-47.
- 6 Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // *Социологический журнал*. – 2008. – № 3. – С. 45-61.
- 7 Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Изд. 2-е. – М.: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. – 242 с.
- 8 Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 320 с.
- 9 Мид Дж. «I» и «Me» как фазы Я // Мид Дж.Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2009. – 290 с.
- 10 Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Изд. 2-е. – М.: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. – 242 с.
- 11 Полежаев П.Л. Социальная идентичность: учеб. пособие / П.Л. Полежаев; СибГУ им. М.Ф. Решетнева. – Красноярск, 2022. – 100 с.
- 12 Жижек С. Киногид извращенца: Кино, философия, идеология: сборник эссе / предисл. А. Павлова; пер. с англ. – Екатеринбург: Гонзо, 2014. – 472 с.
- 13 Бауман З. Мыслить социологически: Учеб. пособие / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 255 с.
- 14 Брубейкер Р. Этничность без групп [Текст] / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
- 15 Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. I: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
- 16 Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения [Текст] / Жиль Делёз, Феликс Гваттари; [пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского]; Учреждение Российской акад. наук Ин-т философии. – Екатеринбург: У-Фактория; – М.: Астрель, 2010. – 892 с.

Transliteration

- 1 Bauman Z. Identity. Conversations with Benedetto Vecchi. – Cambridge: Polity Press, 2010. – 104 p.
- 2 Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized Society]. Per. s angl. pod red. V.L. Inozemceva. – М.: Logos, 2002. – 325 s.
- 3 Malahov V.S. Neudobstva s identichnost'yu [Inconveniences with Identity] // *Voprosy filosofii*. – 1998. – № 2. – С. 43–53.
- 4 Hamidov A.A. Kategoriya tozhdestva i ponyatie identichnosti [The Category of Identity and the Concept of Identicalness] // *Al'-Farabi*. – 2019. – № 1 (65). – S. 3-18.
- 5 Brubaker R., Cooper F. Beyond “Identity”. *Theory and Society*. – 2000. – Vol. 29. – P. 1-47.
- 6 Simonova O.A. K formirovaniyu sociologii identichnosti [Toward the Formation of the Sociology of Identity] // *Sociologicheskij zhurnal*. – 2008. – № 3. – S. 45-61.
- 7 Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and Crisis]. Izd. 2-e. – М.: Flinta, MPSI, Progress, 2006. – 242 s.

8 Kuli Ch.H. Chelovecheskaya priroda i social'nyj poryadok [Human Nature and the Social Order] / Per. s angl. – M.: Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi, 2000. – 320 s.

9 Mid Dzh. «I» i «Me» kak fazy YA [“I” and “Me” as Phases of the Self] // MidDzh.G. Izbrannoe: Sb. perevodov / RAN. INION. Centr social. nauchn.-inform. issledovanij. Otd. sociologii i social. psihologii; Sost. i perevodchik V.G. Nikolaev. Otv. red. D.V. Efremenko. – M., 2009. – 290 s.

10 Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and Crisis]. Izd. 2-e. – M.: Flinta, MPSI, Progress, 2006. – 242 s.

11 Polezhaev P.L. Social'naya identichnost': ucheb.posobie [Social Identity: Textbook] / P.L. Polezhaev; SibGU im. M. F. Reshetneva. – Krasnoyarsk, 2022. – 100 s.

12 Zhizhek S. Kinogid izvrashchenca: Kino, filosofiya, ideologiya: sbornik esse [The Pervert's Guide to Cinema: Film, Philosophy, Ideology: A Collection of Essays] / predisl. A. Pavlova; per. s angl. – Ekaterinburg: Gonzo, 2014. – 472 s.

13 Bauman Z. Myslit' sociologicheski: Ucheb. posobie [Thinking Sociologically: Textbook] / Per. s angl. pod red. A.F. Filippova. – M.: Aspekt Press, 1996. – 255 s.

14 Brubejker R. Etnichnost' bez grupp [Tekst] [Ethnicity Without Groups [Text]]/ per. s angl. I. Borisovoj; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2012. – 408 s.

15 Popper K.R. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi [The Open Society and Its Enemies]. T.I: Chary Platona. Per. s angl. pod red. V.N. Sadovskogo. – M.: Feniks, Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaya iniciativa», 1992. – 448 s.

16 Delyoz ZH., Gvattari F. Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya [Tekst] [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia [Text]] / Zhil' Delyoz, Feliks Gvattari; [per. s fr. i poslesl.YA.I. Svirskogo]; Uchrezhdenie Rossijskoj akad. nauk In-t filosofii. – Ekaterinburg: U-Faktoriya; – M.: Astrel', 2010. – 892 s.

Шәукенова З.К.

Бірегейлік әлеуметтанудың пәндік кеңістігіндегі әлеуметтік стратификацияның концептуалды үлгілерін жасау

Аңдатпа. Мақалада бірегейлік әлеуметтану шеңберінде әлеуметтік стратификацияның тұжырымдамалық үлгілерін жасау мәселесі қарастырылады. Әлеуметтік стратификацияның қазіргі теориялық тәсілдері мен бірегейліктің әлеуметтік құрылымды қалыптастырудағы рөлі талданады. Референттік топтардың әлеуметтік мәртебеге және өзіндік бірегейлену процестеріне ықпалы ерекше назарға ие болады. Жетекші әлеуметтанушылардың негізгі тұжырымдамалары және олардың қазіргі әлеуметтік теория үшін маңызы қарастырылады.

Түйін сөздер: әлеуметтік стратификация, бірегейлік, әлеуметтану, референттік топтар, әлеуметтік мәртебе.

Shaukenova Z.

Conceptual Modeling of Social Stratification in the Disciplinary Space of Identity Sociology

Abstract. The article explores the conceptual modeling of social stratification within the framework of identity sociology. It examines contemporary theoretical approaches to social stratification and the role of identity in shaping social structures. Particular attention is given to the influence of reference groups on social status and self-identification processes. Key sociological concepts and their significance for modern social theory are analyzed.

Keywords: social stratification, identity, sociology, reference groups, social status.